

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
I. Край неизвестных могил	7
II. Звери на Кизыл-Кая	16
III. Затопленный город	27
IV. Среди цветов	30
V. Дикая жизнь	41
VI. Степная драма	48
VII. Мертвое озеро среди могил	53
VIII. История о могилах и надгробиях	63
IX. Жизнь кочевников	70
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	77
I. В царстве тигра	77
II. Черные алмазы	89
III. Охотничий рай	92
IV. Остров преступления	95
V. Подземный город	102
VI. Ограбленное море и кровавый путь	107
VII. Клуб тигра	112
VIII. В дебрях	114
IX. Драма на реке Лесной	122
X. Металл золотого дьявола	130
XI. Дыхание древних времен	137
XII. Люди – тигры	144
XIII. В Черном котле	148
XIV. Люди железной воли	156
XV. Юг в борьбе с севером	166

XVI. Охотничий рай	170
XVII. В трясине	178
XIII. Перед лицом смерти	186
XIX. Мука – это неотступная тень человека	189
XX. Великий аквариум	199
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. На родине жёлтого дьявола	205
I. На дне высохшего моря	205
II. Экспедиция... не совсем научная	217
III. В окрестностях Барнаула	222
IV. Перед лицом бога	226
V. Перед вечными ледниками	236
VI. Как я убежал от своей жены	240
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Проклятый остров	247
I. Недоступный берег	247
II. В лесах и горах	253
III. С теми, которые вышли из ада	260
IV. Сахалинская Пенсильвания	268
V. Мститель	270
IV. Чёрный монах	279

Это повествование посвящаю моей матери.
Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы, поляки, исторически связаны с Азией, и в частности с Сибирью. Прежде мы защищали цивилизации Запада от набегов азиатских кочевников, а наши родичи, взятые в ясырь (в плен), доходили прямо-таки до берегов Тихого Океана, вплоть до вершины Куэнь-Луня.

Позже, после раздела Польши, российские цари бросили сонмы поляков в изгнание, в холодную Сибирь, на мучительную смерть. Половина Азии видела наших мучеников, которые звеня кандалами, шли бесконечным сибирским трактом от Урала до реки Лены, на верную смерть только за то, что верно и отважно защищали Родину.

В последние пятьдесят лет царизма поляков-чиновников, врачей, ученых и солдат, всего охотней посылали на поселение в Сибирь.

Я вспоминаю открытие Сибирского Клуба в Петрограде, где один из присутствующих гостей, поляк, в своей речи очень остру-умно заметил:

«Мы, поляки, имеем две родины: одна – Польша, вторая – Сибирь!» Мои личные судьбы также в значительной степени связаны с Сибирью. В течение почти 10 лет, всё это долго время провёл я в Сибири, изучая месторождения угля, соли, золота, нефти или совершая научные экспедиции для исследования многочисленных лечебных источников, часто очень эффективных и целебных.

Должен упомянуть, как о характерном факте, что путешествуя по всей Сибири от Урала до индийской границы и от

Ледовитого океана до Тихого, почти всегда я встречался с другими исследователями как, проф. Леонард Ячевский, проф. Кароль Богданович, проф. Станислав Залеский, проф. И. Рачковский, инж. Е. Рожицкий, инж. Л. Бацевич и другие. Удивительными представлялись эти неожиданные встречи, где-то на безлюдном берегу озера Кулунда в Алтайских степях или среди скал побережья Охотского моря. Но так уж предопределила судьба, что дороги поляков пересекаются во всех странах целого Земного Шара... Только теперь стала свободной наша Родная Земля, к которой мы все стремимся, привозя сюда наш умственный, моральный и материальный багаж.

В этом повествование о моих приключениях, преимущественно на Дальнем Востоке, я собрал самые сильные впечатления и воспоминания из своих путешествий по Российской Азии в течение 10 лет.

Строгие научные описание тех путешествий в своё время были опубликованы в разных специальных журналах или изданы отдельными книжками – к сожалению, только на русском языке, так как я совершал путешествия или по поручению Российского Правительства, или научных и промышленных организаций, также российских.

Варшава, 1923 г.

Проф. доктор Ф. Оссендовский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Край неизвестных могил

Где человек, там и мука его.

В моей книге под названием «Через край людей зверей и богов», я много говорил о реке Енисей, которая начинается в Урянхайском Крае, впадает же в Ледовитый океан. Я описывал Енисей, как красивую реку, но и ужасную, так как видел её, когда она несла сотни и тысячи сокрушенных тел политических заключённых, убитых Советской властью. Эту, самую красивую из рек, какие я когда-нибудь видел, обесчестили, запятнали кровавым омерзительным убийством людей 20-го века.

Когда видел этот сапфирово-зелёный, громадный поток холодной чистой воды, которая сбегала из-под снегов, покрывающих вершины Саян, Ара-Дана, Улан Тайги и Танну Ола; когда этот поток в чудовищно могучем и быстром беге на Север, круша ледовые башни, нёс за собой в своих водоворотах тысячи изуродованных человеческих тел – удивлялся красоте красных скал, покрытых живописными лесами. Но когда замечал у подножия этих скал, выброшенные Енисеем трупы, отворачивал от них глаза и искал забытья на островах, которые замедляют течение реки; но и там вздрагивал от ужаса и мерзости, так как среди зарослей волны Енисея нагромоздили груды трупов, над которыми с клёкотом носились хищные птицы. Я видел всё это в 1920 году, начиная своё бегство из Советской Сибири в Польшу через Урянхай, Монголию, Тибет, Китай, Японию и США, моё сердце начинало гореть ненавистью и слова проклятия повисали на губах.

Культура, цивилизация, христианство... двадцатый век, а здесь на Енисее, эти тысячи невинных жертв, убитых в мрачных, кровавых застенках российских судов.

Но познакомился я не с таким Енисеем, а было это тогда, когда моя жизнь, полная впечатление, переживаний и политических бурь, ещё не припорошила сединой моей головы, когда был молод и верил в прогресс человечества, в прогресс не только техники, но и духа, и моральности.

Было это в 1899 году.

В этом году я должен был получить ученую степень доктора в Петербургском Университете. Но Российское правительство в феврале этого года спровоцировало студенческие волнения, а полиция саблями и нагайками разбила головы молодёжи. Студенты отказались от экзаменов, и никто не появился в Университете; таким способом они выразили свой пассивный протест.

Известный учёный, химик и геолог, профессор Станислав Залеский, был в это время направлен правительством для исследования минеральных озёр в Чулыно-Минусинских степях. Он пригласил меня в качестве помощника. Я принял предложение и поехал из Петербурга в Сибирь.

Мы добрались железной дорогой до Красноярска, а оттуда небольшим пароходом совершили путешествие на юг до мыса Батени, где высадились, и дальше уже путешествовали в небольших повозках, «пестерках», запряженных в тройку хороших степных лошадей.

Берега Енисея в этом месте низкие степные; постепенно поднимаясь на западе, они переходят в хребет Кизыл-Кая, сложенный из пластов девонских песчаников и составляющий ответвление Большого Алтая.

Только в одном месте, над берегом Енисея, возвышается громадная скала Батени, далеко врезанная в русло реки. Это скала из красного песчаника, высотой пятнадцать-двадцать метров, поросла густыми кустами и берёзами. Узкая тропинка ведёт от пристани на её вершину, откуда открывается очень красивый вид. На западе тянутся степи, покрытые высокой степной травой, среди которой пасутся табуны коней и стада овец и баранов; дальше на горизонте чернел невысокий, с резкими контурами, хребет Кизыл-Кая (красный камень); в степи тут и там можно было разглядеть тёмные юрты кочевий (стоянок) абаканских или «чёрных» татар и костры пастухов. На востоке растянулась широкая лента Енисея с беспорядочно разбросанными остро-

вами, а далее правый берег реки, с возделываемыми полями и деревнями российских колонистов, которые при поддержке правительства отобрали эти прекрасные пространства у прежних их владельцев, татар, те же были вынуждены перебраться на левый берег, где в настоящее время и дальше ведут кочевую жизнь.

На вершине скалы Батени, которая как громадный столб, возвышается над рекой, всегда можно встретить паломников – татар. Они прибывают сюда издалека. Порой случалось видеть здесь алтайских татар или из Семиречья, и даже тюркских туземцев со склонов Памира, так как эта отдельно стоящая скала имеет свою историю. Когда Батый-Хан двигался через Чулымские степи, захватывая в свою армию не только туземцев, но и стада скота и коней, один из татарских князей, Азюк, решил положить этому конец. Собрав большой отряд из татар разных племен и родов, он напал на арьергарды Батыя и отобрал награбленный скот и коней.

Разгневанный хан выслал против бунтовщиков своего военачальника Хубилая, который разбил отряд Азюка, а после несколько тысяч загнал на скалу Батени. Азюк долго оборонялся, но по причине голода был вынужден капитулировать и бросился вместе со своими товарищами в быстрый Енисей, где погиб смертью мученика, борясь с течением этой бешеной реки. После смерти Азюка, уже никто не смел ничего противопоставить беззаконию, творимому победоносными монголами. Татары с благодарностью сохраняли в памяти имя Азюка и считали его за «muelina», или святого. В июле наплыv паломников бывает самым большим, и татары бросают в реку пищу, ножи и даже ружья со скалы Батени в дар отважному, но несчастному князю.

От Батени сразу начинается дикая степная местность, потому что татары избегают здесь кочевать, опасаясь частых встреч с российскими чиновниками, требующими постоянных взяток, а также с колонистами с противоположного берега, которых они ненавидят.

Через этот кусок Чулымских степей, носящий название Шира-Булык, бежит достаточно широкая и хорошо укатанная дорога, тянущаяся от железнодорожной станции Ачинск вплоть до Минусинска, города, находящегося в шестистах двадцати километрах от железной дороги, и расположенного почти у самого устья реки Абакан, при впадении его в Енисей.

Степи покрыты буйной и высокой травой, которая превращает их в отличное пастибище для скота. Кое-где блестят на солнце, как огромные обломки зеркала, озёра с соленой или пресной водой. Солёные озёра окружены рамкой из чёрной грязи, или болота, выделяющего неприятные испарения сероводорода или гниющих мелких водорослей, бактерий и многочисленных микроорганизмов. Пресные озера окаймлены тростниками и камышом.

Когда нам случилось приблизиться к таким озёрам, приводило в изумление количество водоплавающих птиц. Самых разнообразных видов дикие утки и гуси, кулики, журавли и даже лебеди, порой фламинго и пеликаны, поднимались с воды целыми стаями и долго носились в воздухе, громко крича, потом снова садились на озеро или скрывались в густых островках тростников.

У меня была тогда с собой дубельтовка Lepage'a шестнадцатого калибра. Было это старое и слабое ружье, но даже с его помощью мне удалось многократно сеять существенное разорение среди этих водных птиц и обогатить наши коллекции такими экземплярами, как китайский журавль или индийский фламинго.

Но не только на озёрах встречал я птиц: в густой степной траве гнездились полевые тетерева, так называемые *Tetrao campestris Amman*, или по-татарски «стрепет». Название это пришло и в российский язык. Проезжая через степь, я очень часто видел срывающихся пепельно-серых больших птиц, которые отлетев на несколько шагов, снова прятались в траве и в редкие кустики альпийских рододендронов (*rhododendron ferrugineum*), очень часто встречаемых здесь.

Охота на них было достаточно лёгкой, так как птицы подпускали стрелка близко, поднимались достаточно медленно, и при этом полёт «стрепетов» был ровным и по прямой линии, что облегчало выстрел.

Между Батени и хребтом Кизыл-Кая, тут же у восточных его склонов, расположено большое озеро Шира-Куль, что означает «горное озеро». Оно имеет форму яйца, длиной в одиннадцать километров, а шириной – три. Находится оно в совершенно безлесной котловине, а в северном его углу можно заметить небольшие заросли тростников. Именно здесь впадает в озеро

небольшой ручеек с пресной водой. Само же озеро является бассейном горько-солёной лечебной воды, успешно применяемой для лечения желудочных болезней и для купания. На восточном берегу расположено небольшое поселение, где имеется маленькая водолечебница и купальни.

На следующий после приезда день я собрался с помощником начинать наши работы. Мы нашли небольшую и очень легкую лодку, в которую погрузили несколько приборов: инструмент для измерения глубины и забора проб грунта со дна, аппарат для измерения температуры на разных глубинах и приборы для некоторых химических исследований.

Когда мы уже собрались выходить в озеро, целые толпы татар, живущих в поселении и кочующих вблизи берегов озера, внимательно и тревожно приглядывались к нашим приготовлениям и с сомнением качали головами.

– Это плохо! – говорили они угрюмыми голосами. – Это священное озеро и оно мстит смельчакам.

Так как татары исповедуют мусульманство, нас удивило их утверждение, что озеро является священным, так как у приверженцев Ислама не отмечается таких традиций. Тогда нам объяснили, что Шира-Куль с глубокой древности считается священным озером, и такая вера сохранилась с давних времен у местных племен и родов, которые здесь некогда кочевали, а теперь исчезли без следа.

Сдавалось мне, однако, что угрожающее предсказание о мести озера не сбудется, потому что наша работа на Шире проходила в совершенном спокойствии.

Это была интересная работа!

Наши замеры глубины показали, что озеро имеет форму воронки, самая глубокая часть которой расположена у южного берега; от берега этого места дно стремительно поднимается вверх.

У южного берега мы отыскали глубину девятьсот двадцать футов. Но это глубокое место имело радиус не более чем пятьдесят футов, и за его границей глубина не превышала тридцати-тридцати пяти футов. Каким же было наше удивление, когда спустя две недели, делая снова промеры, мы не нашли этого места, очень четко нами определенного, в то же время в километре на север отыскали бездну глубиной девятьсот шестьдесят восемь футов.

Тогда мы поняли, что дно Шира подвижное и подвержено каким-то внезапным мощным изменениям. Такие изменения провоцировали тектонические силы, о которых свидетельствовали также многочисленные трещины в скалах.

Вынимая со дна озера пробы черного и холодного шлама, так как его температура не превышала (+2°C), всегда пахнущего сероводородом, мы заметили удивительное явление. Уже через некоторое время из шлама вырастали длинные подвижные травинки бледно-желтого цвета, которые вскоре исчезали без следа. Казалось, что это какие-то живущие в шламе существа высовывают щупальца и быстро их прячут.

Мы оказались правы, так как это были колонии бактерий *Beggiatoa*, этих предвестников смерти морей и соленых озер, когда в них растворялись некоторые соли, выделяющие сероводород, который в свою очередь убивает жизнь в таких бассейнах.

Когда мы предприняли дальнейшие исследования, оказалась, что на определенной глубине от поверхности озера как бы висит огромная сетка из большого количества связанных между собой колоний *Beggiatoa*, которые поднимались со дна все выше и выше, убивая всяческие проявления жизни. А значит озеро Шира было совершенно мертвым; только в самых высоких слоях жили еще маленькие раки, так называемые *Hammarus*, весьма похожие на обычных креветок, только маленьких, не более одного сантиметра длиной, но такие же быстрые и смелые как их морские «сестры».

Однако должно наступить время, когда количество сероводорода, создаваемого *Beggiatoa*, убьет и этих представителей прежней, далекой фауны озера и тогда закончится процесс его умирания, так как и сами бактерии отравятся выделяемым ими самими вредным газом.

Некогда вместе с профессором Вериго участвовал я в исследовании лиманов под Одессой и в некоторых районах Черного Моря. Там также происходил процесс умирания, угрожая в ближайшие или более дальние сроки полным исчезновением жизни в этом море. Так как этот процесс ощущают рыбы, то мы замечали, что они все более избегают Черное море, потому что на самых значительных глубинах встречаются лишь отравленные слои воды, все более поднимающиеся к поверхности моря.

Так происходит мрачный и печальный период смерти больших водных бассейнов, превращающихся в мертвые резервуары соленой воды, насыщенной сероводородом. Таким бассейном издавна является Мертвое море в Палестине, и огромное их количество разбросано на неизмеримых пространствах Азии.

Очень интересный зверек Hammarus!

Тысячи этих раков плавают в верхних слоях Шира и очень энергично атакуют купающихся, ударяя в их тело острыми головками, а потом молниеносно упливают. Когда мы бросали в воду кусочки хлеба или корку, видели, что все вокруг кипело от этих мельчайших живых существ, которые разбрасывали пищу во все стороны, съедая ее очень быстро.

Во время наших вылазок на озеро, порой мы причаливали к северному берегу, где в озеро впадал небольшой ручеек с пресной водой, и где росли тростники и камыши. Нас притягивали сюда большие утки, так называемые «турпаны», жили они, очевидно, где-то на другом озере, но прилетали сюда с какой-то целью.

Так как горько-соленая вода Шира является лечебной при желудочных заболеваниях, похоже, что птицы прилетали сюда... на лечение.

Застрелив несколько экземпляров, мы пожалели об этом, так как их мясо было мерзким, твердым, пахнущим рыбой.

Однажды, когда мы сидели на берегу ручья и пили чай, услышали за собой шорох и заметили какую-то голову, которая тотчас же исчезла в высокой траве.

Мы пошли в ту сторону и нашли там маленькую, очень красивую, татарку. Когда мы приблизились к ней, она расплакалась. Долго мы не могли успокоить ее. Наконец она дала себя уговарить и пошла с нами к костру. Здесь, угощаясь чаем с сахаром, она рассказала нам свою печальную историю, но, к сожалению, обычную в Азии, за исключением Монголии.

Ей было четырнадцать лет и родители уже выдали ее замуж за достаточно старого, но богатого татарина, который кроме нее, имел шесть жен.

Так как она происходила из убогой и не влиятельной семьи, другие жены относились к ней с пренебрежением и с полным отсутствием сострадания. Часто били, вырывали волосы, щипали и царапали ее милое, свежее лицико.

Рассказывая о своей грустной судьбе, несчастная женщина громко плакала.

– Зачем пришла сюда? – спросили мы.

– Убежала из кочевья моего мужа, чтобы уже никогда не возвратиться к нему, – ответила она, рыдая.

– Что же будешь дальше делать?..

– Пришла сюда, чтобы утопиться в Шира! – воскликнула она в страстном отчаянии. – Обижаемая при жизни женщина, когда утопится в этом озере, становится достойной милости Аллаха... На дне озера лежат груды костей таких мучениц, как я...

– Мы тогда были молоды и впечатлительны, а значит уже другими глазами смотрели на тяжелые и соленые волны Шира, которые в своей громадной бездне хранили кости беззащитных, поработленных женщин, ищащих в умирающем озере успокоения и вечного покоя.

Однако же недолго пришлось нам размышлять об этом, так как вскоре появилось несколько всадников, которые смотрели на нас очень подозрительно, а потом велели женщине сесть на коня, так как муж требовал ее возвращения в свой дом.

Заливаясь слезами, татарка, исполнила повеление своего хозяина и села на коня. Тогда один из татар стегнул нагайкой коня, так, что тот взвизгнул от боли, и вся кавалькада помчалась неистовым вихрем в степь и вскоре исчезла с наших глаз.

Долго еще не могли мы справиться с волнением, и в течение последующих нескольких месяцев, плавая по озеру, помимо воли оглядывались вокруг, внимательно изучая поверхность озера, не выплывает ли из него где-нибудь замученное тело маленькой бедной татарки.

Но никогда уже не пришлось нам увидеть ее, и не знаю, была ли более светлой ее дальнейшая судьба, или осталась такой же мрачной, полной издевательства, оскорблений и мук.

А в это время озеро готовило нам свою месть...

Однажды работали мы в лодке, в каких-то пятидесяти метрах от южного берега, когда внезапно почувствовали сильные раскачивания лодки с боку на бок. Осмотревшись, увидели, что от прибрежных скал бежали на северо-запад тяжелые, большие волны.

Было это удивительное явление природы. Небо было ясным, безоблачным, не чувствовалось ни единого дуновения ветра, и

однако озеро взволновалось, волны ходили от берега до берега. Они поднимались все выше и выше, с шумом ударяясь в нашу легкую лодку, заливая её водой и бросая в нас соленую пену. Лодку несколько раз наклонило так сильно, что она начала зачерпывать воду одним бортом.

– Беда... – произнес мой товарищ. – Какая теперь работа... Надо возвращаться!

Я согласился с ним, но Шира думало иначе. Хотя мы были уже сильными и опытными гребцами, однако несмотря на всяческие усилия не могли мы приблизиться к берегу. Волны, тяжелые как из свинца, гнали нас дальше и дальше, на середину озера. Целые сонмы волн все чаще наскакивали на нас и заливали лодку. Уже сидели мы по колено в воде, уже наши руки начали млечь от усталости. Мы напрягали все силы, но в тоже время уже давали себе отчет, что эта работа была напрасной, так как волны уносили нас все дальше от берега.

Тогда решили мы отаться на милость или немилость Шира, полагая, что волны унесут нас на противоположный берег. Мы сосредоточили все внимание на том, чтобы освободиться от воды в лодке и не перевернуться вместе с ней. На всякий случай, мы надели на себя пробковые пояса и попеременно выливали воду из лодки большой жестянной банкой из-под нефти.

Большие волны многократно перехлестывали через лодку и почти отрывали нас от нее, но нам удалось удержать равновесие.

В поселении заметили наше приключение. Тотчас же несколько людей вскочило в большую лодку, которая служила для безопасности купальщиков, и обладая только одной парой весел, начали медленно передвигаться в нашу сторону. В конце концов неопытные гребцы сломали одно весло и с громадным трудом сумели вернуться в поселение.

В это время нашу лодку несло в сторону противоположного берега. Красные скалы Кизыл-Кая становились все заметнее и вскоре над водой показался низкий берег, поросший кустами рододендрона и высокими острыми, как лезвие палаша, листьями ирисов.

Вскоре волны начали слабеть. Мы взялись за весла и наконец добрались до берега.

Мы не были еще никогда на склонах Кизыл-Кая. Эти горы уже издавна притягивали нас своими яркими красками и густыми

кустами в глубоких расщелинах, где надеялись мы встретить крупного зверя с большей вероятностью, чем в безбрежных, однообразных степях, окружающих умирающее озеро Шира.

У нас не было в мыслях, но, как оказалось, встретили мы вскоре зверей совершенно неожиданно рода.

II. Звери на Кизыл-Кая

Втянув лодку на берег и немного отдохнув после тяжелой борьбы с волнами мстительного Шира, решили мы поближе познакомиться с хребтом Кизыл-Кая, который начинался тут же у берега, зубастой красной стеной. Мы очень медленно начали подниматься все выше и выше, с трудом пробираясь через невысокие, но густые заросли рододендрона (*rhododendron*), ивы и ирисов. Вскоре со всех сторон начали срываться, с громким хлопаньем крыльев и дикими криками, куропатки. У нас не было с собой ружья, поэтому птицы улетали безнаказанно, однако не обошлось без жертв. Одна из куропаток выпорхнула почти из-под моих ног и, отлетев немного, упала в кусты, покрикивая беспокойно. Я понял, что где-то находится ее гнездо. Мы начали поиски и вскоре в нескольких шагах, среди жестких листьев ириса, заметили гнездо, выстланное сухой травой. Двенадцать маленьких серых существ, с пятнышками цвета ржавчины на хребтинах и боках, сидели, прижавшись друг к другу, внимательно глядя на нас черными поблескивающими глазками.

Это были птенцы так называемой каменной куропатки, горной или красной (*Perdix rubra*), живущей в сухих местностях, расположенных на значительной высоте.

Едва мы успели наклониться над обнаруженным гнездом, как целая череда птенцов рассыпалась в разные стороны, как сухие листья, сорванные порывом ветра. Однако мы заметили, что добежав до травы, они прильнули к земле и затаились. Мы устроили нападение и вскоре все птенцы попали в наши руки. Мы отнесли их в лодку и поместили в жестянку от нефти, наполнив ее предварительно наполовину травой. У нас было намерение, поместить птенцов куропатки среди стайки цыплят, которые ходили по нашему подворью в поселении. Нас занимала мысль, освоются ли эти «дикари» в домашних условиях и привыкнут ли к курице и ее потомству.

Мы совершили этот эксперимент, а результаты были очень поучительными. Маленькие куропатки сразу пошли за наседкой, послушно прятались вместе с цыплятами под ее крылья и очень ожесточенно и победоносно сражались с более крупными цыплятами за корм. Были они сильнее, ловчее и смелее цыплят. Наиболее же нас заинтересовало такое обстоятельство, что когда одна из куропаток сражалась, другие тотчас же бросались ей на помощь, чего никогда не делали цыплята.

В течение нескольких дней мы с интересом наблюдали всю большую семью наседки, разгуливающую по подворью, огороженному высоким деревянным забором, когда она бегала, проказничала, искала пищу, дралась и шумела. Но спустя несколько недель без следа исчезли две куропатки, через день – еще три.

Мы обыскивали все углы, но нигде не нашли их, ни живых, ни мертвых. Так как ни один цыпленок не исчез, следовательно не могли мы допустить, что куропаток схватил какой-то четвероногий или крылатый хищник. Вскоре бесследно пропали еще две куропатки. Это произошло в воскресенье, а значит мы стали следить. Через некоторое время мы заметили, что две куропатки побежали к забору и начали с большой энергией копать канавку в земле между двумя досками ограждения, а затем ода за другой мгновенно выскользнули в этот тоннель и исчезли.

В течение следующих трех дней этим же самым путем и последние куропатки покинули свою приёмную мать и гостеприимное подворье, оставив наседку только с ее законным потомством.

Один из старых сибирских охотников, выслушав рассказ о моих наблюдениях, касающихся птенцов куропатки, заметил:

– Куропатки и тетерева никогда не поддаются приручению до такой степени, чтобы не убежали. Они живут в неволе, постоянно думая о свободе, и достаточно дыхания ветра из степи или леса, достаточно призыва свободных птиц, и тотчас же они отыщут способ для бегства, хотя бы это было сопряжено с опасностью для жизни. Свобода, мой приятель, это не шутка, и этого не понимает только человек!

В это время, после доставки наших маленьких узников на лодку, мы начали снова карабкаться по склонам Кизыл-Кая. Массив этого

хребта составляли твердые, красные девонские песчаники, пересеченные в некоторых местах слоями окаменевших глин.

Начиная с половины подъема на хребет встречали мы широкие террасы, на которых были заметны следы волн в форме типичных складок, бока же террас с глубокими брешами и блюдцами (геология) убедительно говорили, что когда-то безумствовали здесь волны какого-то великого водного бассейна. Ибо все пространство Чулымо-Минусинских степей составляло некогда, во время далеких геологических эпох, дно Центральноазиатского Моря, которое оставило после себя многочисленные минеральные соленые озера от Урала вплоть до Большого Хингана и Куэнь-Луя. Поэтому не подвергалось сомнению, что уходящее к востоку море, имело здесь в далеком прошлом свой западный берег. Об этом говорили многочисленные раковины, а в частности белемниты (палеонтология), разбросанные значительными массами.

Словом, начиная от умирающего Шира и кончая Кизыл-Кая, мы имели перед собой великую могилу, в которой природа погребла громадное море.

Остроконечные вершины хребта возникали под воздействием ветров, дождя и морозов, которые уничтожали твердый песчаник, превращая его в пыль и песок и засыпая все больше следы моря и давно уже умерших эпох.

На вершине хребта мы нашли глубокие горные расщелины и пещеры, выдолбленные осенью мчащимся вместе с вихрями песком из пустыни Гоби. Некоторые из них были достаточно глубокими.

Приблизившись к одной из таких пещер, мы заметили внезапно выходящую из нее тонкую струйку дыма. Заинтересованные, мы пошли в ту сторону, но вдруг внезапно из пещеры выскочило трое босых мужиков в обветшалой одежде. Они начали удирать к западным склонам хребта, а когда они находились у края скал, один из них задержался и выстрелил. Расстояние было слишком большим, чтобы можно было попасть в нас, кроме того выстрел был из револьвера и пуля даже не долетела до нас.

Я бывал в Сибири не раз, и подобную встречу имел уже многократно, поэтому знал с кем имею дело. Это были, несомненно,

беглецы из уголовных тюрем, может быть даже с Сахалина, с этого Острова Дьявола, куда российские суды ссылали самых опасных преступников.

А значит, я сразу крикнул им, что мы не полиция, не чиновники и что нам нет никакого дела до них. Медленно, с большой осторожностью и недоверием они вернулись и приблизились к нам. Хотя и сняли шапки и выглядели покорно, однако их глаза бегали, оглядывая нас со всех сторон и ища оружие или признак какого-то обмундирования.

Наконец, мы ответили им, что работаем на озере и что нас там постигло, тогда они значительно успокоились и очень любезно пригласили нас в свою нору.

Мы вошли в достаточно обширное глубокая блюдце (геол) в скале, закрытое спереди обломками камней, которые скатились с вершины. Наши новые знакомые устроились здесь прекрасно. В самом дальнем углу была устроена мягкая подстилка из сухой травы, в середине помещения было кострище, а на костре варился чай. В расщелинах стен пещеры были аккуратно сложены мешочки с сухарями и чаем, в углу лежали мешки и топоры – эти обязательные принадлежности кочевой жизни сибирского бродяги, покидающего тюрьму или место изгнания через северную тундру, через горы и девственную тайгу, и идущего в Европу, за Урал, зимой и летом, в дождь, жару и в самые тяжелейшие морозы.

В мешках бродяга-беглец носил все свое скромное и очень умно обдуманное имущество; топор служил ему для рубки дерева, а в случае необходимости оружием для охоты или в стычке с полицией и с постовыми казаками. Сибирский бродяга обладал большой сноровкой в использовании топора. Брошенный им топор, со свистом резал воздух и попадал между глаз медведю или... человеку, если тот был опасен для скрывающегося в лесу беглеца.

В течение двух лет наши новые знакомые совершили свою опасную и тягостную дорогу. Это было занимательное сообщество. Один из них, который называл себя Гак, бежал зимой с Сахалина, пройдя по льду Татарский пролив, отделяющий остров от континента. За беглецом, естественно, была погоня, что можно было ожидать, так как Гак был ни каким-то обычным

преступником. Он убил около пятнадцати человек, совершив нападение на почту. В его мешках находилась специальная зимняя одежда, а именно широкий плащ из белого перкаля или же из полотна. Каждый кто замечал погоны, тотчас же ложился на снег, закрывая себя и свои узлы белым плащом и совершенно сливаюсь с мертвой белой пустыней, через которую мчался северный ветер с Охотского моря, неся тучи снега.

Другого звали Сенька; он был поджигателем и бежал с каторги на Амуре, пробираясь через всю Сибирь, куда-то в Подмосковье, специально для того, чтобы убить свидетелей, которые доказали на суде его преступления. Насколько Гак был вежлив и общителен, весело щутил и отпускал остроты, однако старательно избегая встречи со взглядом другого человека, настолько Сенька был угрюм, молчалив и своим тяжелым ненавидящим взглядом, как если бы въедался в глаза людей.

Наиболее интересным был третий обитатель норы в пещере на Кизыл-Кая – Труфанов, худой, с длинными седыми волосами, черными, проницательными, беспокойно бегающими глазами, был он в постоянном движении и постоянно вертелся, вставал и тотчас же садился, удивительно быстро говорил, не слушал разговоров приятелей, входил и выходил из пещеры, создавая впечатление собаки, все время беспокойно принюхивающейся. Он ничего о себе не говорил, а когда мы спросили его, откуда он убежал и за что попал в тюрьму, бросил с неохотой:

– Из тюрьмы, куда меня несправедливо посадили.

И тотчас же вышел из пещеры своим вкрадчивым бесшумным шагом.

– Несчастный! – пробормотали его друзья.

Несколько днями позже я узнал от Гака, что Труфанов попал в тюрьму за какую-то мелкую кражу, будучи еще молодым человеком. Но из тюрьмы, где ужасно тосковал о семье, пытался бежать, за что был наказан на более долгий срок и уже был сослан в Сибирь. Оттуда через несколько лет снова сбежал, а когда его схватили тюремные надзиратели, он убил одного из них. В настоящее время был беглецом уже в десятый раз.

Искренность беглецов с частными лицами является характерным обычаем в Сибири. Беглец всегда открывает свои карты частному человеку, потому что в Сибири каждый крестьянин и

мещанин помогает бежавшему с каторги, укрывает его от преследования полиции; на ночь выставляет перед порогом еду для бродяг, которые приходят ночью, так как днем они не любят обычно показываться в населенных местах, где всегда «крутятся» представители власти.

Почему же сибиряки проявляют такое милосердие по отношению к беглецам? В этом случае нужно принять во внимание две причины. Одна – практическая: желание снискать благосклонность одичавшего и часто жестокого беглеца, преследуемого в течение целой жизни, как дикий зверь; другая – моральная: сибиряки всегда знали, что царские суды часто посылали в тюрьмы и в сибирское изгнание совершенно невинных людей, например, тех, которые были наказаны за свои политические убеждения, и которые также часто были вынуждены бежать из Сибири, где преданные забвению через суд и власти, они были обречены на неизбежную смерть и помешательство.

Благодаря этим сибирским обычаям, мы узнали о прошлом Гака, Сеньки и Труфанова; а когда потребовались работники, мы пообещали исполнить их просьбу, что нам удалось, благодаря связям заслуженного профессора Залесского.

Под вечер волны совершенно успокоились, и поверхность озера была как зеркало. Попрощавшись с нашими новыми знакомыми, мы вернулись в поселение, где нас ожидались с беспокойством и нетерпением.

Профессор запретил нам появляться на озере на легкой лодке, заменив ее большой морской, в которой так неудачно пытались нас спасти некоторые поселенцы.

Эта лодка имела две пары весел и руль, и таким образом, требовала трех работников. Мы воспользовались этим обстоятельством и уже на завтра в нашей лодке гребли: Гак, Сенька и Труфанов в то время, когда мы делали промеры глубин и температуры, черпали пробы воды и шлама и ловили *hammarusy*, укладывая их в банке с формалином. Длинные и мрачные рассказы услышали мы от наших работников о жизни, судьбах и трагедиях мучеников тюрем и сибирской каторги, но самую ужасную страницу этих историй открыл нам в один из вечеров, Труфанов.

– Все это пустяки! – воскликнул он, когда Сенька закончил какой-то страшный рассказ о приключениях заключенных-беглецов. Я вам поведаю, что у меня произошло один раз, после чего я стал седым и таким, каким вы меня видите... не в своем уме... Задумали мы впятером побег из Акатуя. Мы связались со знакомыми, которые были на свободе и должны были приготовить нам мешки, топоры и котелок.

Однако произошло несчастье! Когда перепилив тюремные решетки и перебравшись через стену, пришли мы в деревню, где жили наши знакомые, узнали мы, что их арестовали и бросили в тюрьму. Таким образом, остались мы без крайне нужных для бегства и скитания вещей, а бежать нужно было, так как в деревне с легкостью могли нас обнаружить полицейские. И мы хотя понимали безрассудство предприятия, однако начали бродяжничество.

Была поздняя осень... Уже начали докучать морозы, голод и болезни терзали нас. Наконец после нескольких месяцев этого голодного мученичества, мы совершенно ослабли и поняли, что нам угрожает смерть. Наша дорога тянулась через безлюдные дремучие леса, мы ниоткуда не могли ожидать помощи, так как знали, что невозможно идти большой дорогой, где нас выследят власти. Стало быть, брали лесами, в голоде и холода.

Наконец один из наших спутников вечером упал и уже не поднялся. Очнувшись утром от полузыбтъя и онемения, заменяющего нам сон, мы убедились в его смерти. Я помню то утро, как если бы это было вчера...

Помню, что в моей голове блеснула и тот же погасла мысль – ужасная и отвратительная. Человек умер, он ничего уже не чувствует, ничего не может сделать и не хочет, и такая же самая судьба ожидает нас. В тоже время умерший может нас спасти! Достаточно только осмелиться – есть человеческое мясо, тело того, кто страдал рядом с нами, имел еще искру надежды... Достаточно этой решимости и смелости, и все на какое-то время поправится. А дальше – что Бог даст! Может, произойдет что-то, что нас спасет!.. Эта мысль вскоре вернулась снова и начала возвращаться все чаще, становясь мучительной и настойчивой, и в глазах своих товарищей я заметил тоже... Мы боролись с голодом и с этой ужасной мыслью еще несколько дней. Пока

однажды, ничего меж собой не говоря и совсем не условливаясь, мы выкопали из снега тело нашего приятеля и разделили его между собой так, как делят мясо быка или барана. С той минуты были мы постоянно сыты, только перестали смотреть друг другу в глаза и старались есть в одиночестве...

Никаких угрызений совести, никаких огорчений, никаких тяжелых мыслей не ощущали мы, только какое-то мрачное оцепенение и неприязнь к людям и ... к самим себе...

Труфанов остановился и долго в молчании курил папиросу, скрученную из кусочка старого календаря. Потом выбросил окурок в озеро и, сплюнув, продолжал дальше...

Долга, сибирская зима, черт возьми, долга и не матушка это, а злая мачеха...! Нам снова не хватало пропитания, и не могли идти, так как выпал глубокий снег. Снова голод и холод сковывал кровь в жилах и зажигал зеленые и красные огоньки в глазах. Сердце, то было как молотом, то снова проваливалось в какую-то бездну без звука и движения. И мысль, уже однажды отравленная, работала и нащептывала каждому из нас порознь: «Держись и жди, пока умрет более слабый, чем ты».

Я и старый татарин, Юсуф, дождались. Однажды умерло двое наших приятелей. Мы управились с ними быстро и гладко. Один был упитаннее, другой худой и маленький. Устроили лотерею. Я выиграл большого... Снова тянулись дни сытости... Нам хватило трупов вплоть до весны, когда смогли мы продолжить прерванное путешествие.

У меня оставался за пазухой довольно большой кусок мерзлого человеческого мяса, когда Юсуф подошел ко мне и молвил: «Поделись со мной, ведь я голодный!»

«Не поделюсь, ведь в таком случае и я буду завтра голодным!» – ответил я. Он ушел, ничего не сказав, а я решил есть мясо понемногу, чтобы не остаться совсем без питания, до момента, когда с голоду умрет мой последний спутник, татарин.

Однако же уже той ночью я убедился, что мои надежды могут остаться тщетными... Какой-то шорох разбудил меня перед рассветом. Я с трудом открыл глаза и поднялся. Заметил только, что Юсуф привязал к своему поясу тяжелый камень и, крутя им, приближался ко мне. Я сразу понял, что хотел он скрушить мне череп во сне этим страшным оружием, которое мы,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)